

*Д.Т. Жовтун,
доктор философских наук, профессор
В.И. Меркушин,
кандидат исторических наук, доцент*

ПОДХОДЫ К НАУЧНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПАТРИОТИЗМА

Понятие «патриотизм» достаточно проблемно с точки зрения его научного (объективистского) определения. Проблема заключается в том, что это понятие, относящееся к сфере социальных ценностей, имеет сильную эмоциональную составляющую, которую традиционно используют политики в качестве эффективного ресурса мобилизации масс, нередко в целях укрепления личной власти и реализации под знаменем патриотизма собственных и далеко не всегда человеколюбивых проектов социального, а то и мирового переустройства.

Поэтому патриотизм с его социально-ценностной, эмоциональной природой нуждается, как ни одно социологическое и политологическое понятие, в выработке «спокойного», строго научного, объективистского подхода к своему определению. Выработка такого подхода актуальна еще и потому, что наука старается обходить тему патриотизма именно из-за сильной ценностной, идеологической нагрузки патриотической проблематики. Между тем патриотизм – важнейшая социологическая категория, отражающая интегральное мотивационное состояние общества в спектре от «атомизированного» до солидарного общества. Эти состояния и подсказывают начальное, интуитивное, самое общее определение патриотического сознания как индивидуального сознания (чувства) гражданской солидарности. Достижение гражданской солидарности крайне важно для общества, поскольку в ином случае общество в целом теряет мотивацию к развитию и в конечном счете самосохранению, оказываясь перед реальной угрозой распада на «атомы». Вот почему необходима разработка научного направления в рамках социологии о патриотизме как важнейшего вектора управленческой науки, в том числе призванного теоретически обеспечивать строительство солидарного общества.

На наш взгляд, «зацепкой» для формирования научного определения патриотизма является именно то обстоятельство, что патриотизм принадлежит сфере социальных ценностей. Социально-ценностное основание патриотизма открывает путь к социологическим те-

ориям, которые вполне могут послужить надежной теоретико-методологической базой в определении понятия патриотизма. Заметим, что политическая социология в своих теоретических выводах всегда подчеркивала роль ценностного консенсуса в поддержании порядка и сплоченности в обществе. Так, Э. Дюркгейм считал, что поведение людей регулируется не абстрактным «обществом», но именно его конкретными институтами, то есть правилами и нормами социального взаимодействия, которые, «присваиваясь» людьми, превращаются в важнейшие для человека духовные ориентиры – социальные ценности. В своих политологических работах Дюркгейм указывал на угрозу для общества, исходящую от нигилизма в отношении социальных ценностей. Если по каким-либо причинам такой нигилизм становится массовым, то общество утрачивает свой ценностный каркас, и люди, лишённые общих духовных ориентиров, перестают ощущать поддержку друг друга, переходят в «тревожное», часто девиантное состояние, что оборачивается негативной демографической тенденцией, ростом преступности, словом, распадом общественного организма¹.

Подобным образом Т. Парсонс развивает теорию социального действия, согласно которой люди могут действовать, лишь наделяя свою деятельность смыслом – задаваясь вопросом «для чего», то есть ища некую внешнюю для себя, причем надежную, опору и находя ее, естественно, в окружающей социальной среде, обществе, людях. По Парсонсу, так у человека как социального деятеля формируются образующие базовый смысл человеческого существования ценности социальной системы – социального взаимодействия, социальной солидарности, фундаментальных прав человека, правил и норм общезжития.

Для Парсонса личность не существует отдельно от социальной системы, и формируется это неразрывное единство на уровне ценностного сознания, которое, на наш взгляд, и является базой патриотизма. Таким образом, подход Парсонса содержит в отношении патриотизма следующую очень важную идею: каково ценностное состояние общества, таково и состояние патриотизма в нем. Если, например, в обществе ценностный нигилизм становится статистически значимой величиной, а тем более приобретает массовый характер, в таком обществе под угрозой оказывается его главная опора – патриотизм как социальная солидарность и ключевой фактор самосохранения общественной системы.

Другие видные социальные психологи и социологи также рассматривают сферу социальных ценностей как важнейший фактор

¹ См.: Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1995.

функционирования общественной системы. Например, психоаналитическая доктрина Э. Фромма включает идею развитого ценностного сознания – на уровне как индивидуального, так и массового сознания – в качестве условия здоровой личности и здорового общества¹. Российский социолог Н.И. Лапин определяет социальные ценности как «цели, обеспечивающие интеграцию общества, помогающие индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях»². П. Сорокин, создавший в социологии так называемый флуктуационный подход – когда социальные тенденции анализируются с позиции их флуктуаций (периодического повторения в связи с воспроизведением их постоянного основания) – и применивший его, в частности, в социологии войн, прямо указывает: «Когда единство, усвоение и гармония ценностей ослабевают, увеличиваются шансы международной или гражданской войны»³. Показательно, что сегодня российские исследователи в понятие «национальная безопасность» включают и духовные (сферу социальных ценностей) силы общества⁴, которые вполне могут быть определены как силы патриотизма.

В этой связи возможен такой ответ на вопрос, что такое патриотизм:

– патриотизм проявляется в единстве личности и социальной системы, то есть в социальной солидарности, включая все ее уровни – солидарность между личностью и институтами, личностью и государством, межличностная солидарность;

– такая солидарность достигается лишь при устойчивой системе социальных ценностей;

– следовательно, патриотизм – это состояние общества с устойчивой системой социальных ценностей.

В обществе вполне может быть нарушен ценностный механизм достижения социальной солидарности с развитием нарушения по схеме: нарастание тенденции нигилизма в отношении социальных ценностей = разрушение социально-ценностной опоры общества =

¹ См.: Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов / Под ред. А.А. Яковлева. М., 1989. С. 143 – 221; Он же. Психоанализ и этика. М., 1993.

² Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 5.

³ Сорокин П. Причины войны и условия мира // Сорокин П. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М., 1994. С. 24; См. также: Сорокин П. Флуктуация войн в системе межгрупповых отношений // Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб., 2000. С. 620.

⁴ См.: Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А. Прохожева. М., 2002. С. 229.

дезинтеграция общества = исчезновение патриотизма. Таким образом, основанием в этой цепи нарушений является массовый нигилизм в отношении социальных ценностей.

Социальные психологи и политологи утверждают, что массовый ценностный нигилизм – нередкое явление, которое возникает по следующим политическим причинам:

- при наличии институтов, которые не способствуют укреплению социально-ценностной базы общества, единению личности и социальной системы, осознанию личностью социальной системы как ценности, и это происходит, когда политическая система не защищает фундаментальные права личности;

- при переходе общества от одной системы институтов к другой – в реформационные периоды, когда массовый ценностный нигилизм наступает в результате размывания социальных ценностей, прочно связанных с реформируемыми, то есть исчезающими институтами.

Все российские реформации, начиная с Петра I и заканчивая реформами 1990-х гг., обязательно включали в себя период массового ценностного нигилизма с его негативными для патриотического сознания последствиями. Характерно, что все без исключения российские реформаторы стали проблемными историческими фигурами в смысле оценки их действий с позиции патриотизма. Между тем любой реальный реформатор, уже в силу решимости осуществлять институциональные нововведения, объективно берет на себя ответственность за наступление ценностного кризиса в обществе и, соответственно, кризиса патриотизма, в свою очередь, дающего эффект роста настроений «радикального патриотизма».

«Радикальный патриотизм» – ложный патриотизм, поскольку в его основе лежат протестные настроения, а они связаны с обидами, страхами, комплексом неполноценности и потому легко трансформируются политическими авантюристами в настроения уже не общества, а толпы, которая начинает искать врагов и «сильную руку» власти, чтобы полностью и бездумно такой власти подчиниться. Это – солидарность, но социально деструктивная солидарность толпы. Такая солидарность деструктивна, поскольку, как утверждают социологи, толпа, где индивидуальное сознание не работает и где люди попадают в плен стереотипных заблуждений массового сознания, всегда связана с самым низким (витальным) уровнем человеческих потребностей и никогда – с высшими потребностями, проявляющимися в единении личности не только со «своим» обществом, «своей» культурой, но и с человеческой культурой в целом¹.

¹ См.: Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 7 – 44;

В этом и заключается суть истинно патриотического сознания как индивидуального сознания единства с общностью. Если человек не видит себя представителем максимально широкой общности – человечества, разделяя людские сообщества на «свои» и «чужие», он не патриот по определению, поскольку его сознание настроено не на объединение, а на разъединение. Если он разъединяет человечество, он в принципе не способен объединяться с людьми – хоть с «чужими», хоть со «своими» – на базе ценностей. Социальные психологи убедительно доказывают, что разного рода толпы, имитирующие общественную солидарность, исчезают – «атомизируются» – при простом их рассеянии.

Показательно, что серьезные исследователи, в том числе российские, всегда относили патриотическую эмоцию к сфере позитивных, конструктивных, созидательных эмоций – сфере любви, красоты, нравственности, а не ненависти, подозрительности, страха, цинизма, жестокости. Так, известный русский экономист и философ П.Б. Струве разработал доктрину «патриотического эроса» – иррационального, религиозного чувства любви к Родине, благодаря которому происходит «высоконравственное объединение личной жизни и государственных задач»¹. Подобным образом современный исследователь Б. Андерсон противопоставляет патриотизм национализму как соответственно продукты культуры, красоты, любви – поэзию, художественную прозу, музыку, пластические искусства – продуктам страха и ненависти².

Вместе с тем важно подчеркнуть, что патриотическая эмоция не является просто чувством, склонностью, но имеет рационалистическое обоснование в сознании долга – знании человеком того, что он делать должен, а что не должен. В этом отношении классический анализ патриотизма, несомненно, принадлежит Канту, согласно которому «патриотическим называется такой образ мыслей, когда каждый в государстве (не исключая и его главы) рассматривает общность как материнское лоно и страну свою как родную почву, на которой он вырос и которую он как драгоценный залог *должен* оставить после себя»³. Кант приходит к выводу об «особом долге любви по отношению к другим людям», специально подчеркивая, что «долг любви» – не чувство склонности, но «*нравственное требование* благоволения, которое основано на принципе следования *долгу* добродетели как всеобщему закону»⁴.

Он же. Социальные и индивидуальные факторы изменений в диспозиционной структуре личности // Социологические очерки: Ежегодник. М., 1991. С. 49 – 61.

¹ Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

² Андерсон Б. *Воображаемые сообщества* / Пер. с англ. М., 2001. С. 160.

³ Кант И. *Метафизика нравов* // Кант И. Сочинения в 6 т. 4. М., 1972. С. 80.

⁴ Кант И. *Метафизические основания учения о добродетелях* // Там же. С. 330.

Показательно, что Кант с его «всеобщим законом» единства, гармонии (а) человека с человеком, (б) индивида с определенной группой, общностью, (в) индивида с человечеством не противопоставляет патриотизм космополитизму, взаимно согласовывая обе категории в единстве «местно-патриотической» и «миро-патриотической» градаций патриотизма как патриотического долга человека. По Канту, человек – патриот в смысле преданности своему народу именно потому, что он – космополит, то есть потому, что предан вообще людям, вообще социальной системе, человечеству.

Логика Канта такова. Патриотизм – это родовое для человека, а не национальное, сознание патриотического долга. Само определение патриотизма через долг обязывает человека подняться над естественной склонностью идентифицировать себя только со «своей» общностью – этносом, культурой, нацией – в сферу предельно широкого патриотизма как идентификации с человечеством. Только такой человек способен исполнить патриотический долг по отношению к своему этносу, своей культуре, своей нации. Таким образом, согласно Канту, патриотом не может быть человек, у которого любовь к «своим» строится на нелюбви к «чужим» – у такого человека вообще отсутствует сознание долга, им управляет лишь склонность, и, значит, у него нет патриотизма.

Кант затронул важную проблему патриотизма как проблему формирования механизма идентификации личности с общностью. Исследованием этого механизма занимаются социальные психологи, в том числе изучая такое состояние групповой идентификации личности, как толпа. Толпа – удобная исследовательская модель, поскольку в ней групповая идентификация личности получает свое крайнее выражение, когда личность полностью растворяется в своей групповой идентификации. Разумеется, толпа не может считаться патриотическим сообществом именно по указанной причине – поглощения личности ее групповой идентификацией, в то время как в патриотическом сообществе личность идентифицирует себя с ним сознательно, по свободному ценностному выбору. Но сама по себе групповая идентификация – это ряд поведенческих механизмов и ритуалов, характеризующих коллективное поведение личности как таковое.

Например, французский социальный психолог С. Московичи выявляет в коллективном поведении личности следующие механизмы и ритуалы:

- подражание и повторение как прямые демонстрации общности: повторы праздников, годовщин, чествований с их повторяющимися словами, песнями, жестами, шествиями и т. д.;

- «притворство» – с целью предотвратить исходящую от людей опасность, оградить себя от их враждебности: скажем, человек, по-

падающий на собрание, ищет глазами определенную группу и присоединяется именно к ней – людям одного с ним возраста, одной профессии или одних убеждений; это защитная маска похоти, идентичности с группой;

– идентификация с другими как способ не быть исключением: так, иностранец стремится усвоить, даже преувеличить черты, речевые выражения или привычки национальности, в среде которой он живет;

– идентификация с другими как присвоение других, что хорошо иллюстрирует знаменитая фраза Людовика XIV «Государство – это я!»¹.

Поскольку патриотизм понимается как групповая идентификация личности, то перечисленные механизмы и ритуалы характеризуют патриотическое сознание, которое, таким образом, включает в себя сложный механизм преодоления личностью комплекса «других». Собственно, патриотическое сознание, дают понять социальные психологи, и есть механизм преодоления этого комплекса – через «притворство», повторение и подражание, присвоение «других» и т. д.

Социальные психологи давно пользуются специальной категорией, отражающей фундаментальное состояние патриотического сознания как групповой идентификации личности – категорией так называемого «Мы-чувства». Это чувство формируется у каждого человека в процессе социализации, в ходе усвоения речи, культуры, религии, законов, когда человек выходит за пределы своего «Я» и духовно соединяется с некоторым «Мы». При этом «Мы-чувство» ученые связывают с формированием этнокультурных идеалов как фактора сопоставления патриотическим сознанием «своей» этнокультурной общности с «чужими» общностями. Такое сопоставление происходит потому, что для появления «Мы-чувства» необходим контакт, поскольку гомогенная группа, живущая в изоляции, не осознает своего отличия от других. Групповая идентификация появляется там, где группа «Мы» вступает в контакт с группой «Они».

При этом логика сопоставления «своего» с «чужим» такова, что подобное сопоставление приобретает состязательный, конкурентный характер, зачастую выливаясь в противопоставление и враждебное отношение к «чужому». Это доказывал еще З. Фрейд², а также российские ученые, в частности Б.Ф. Поршнев, который считает, что универсальным принципом психологического оформления этнокультурной общности является различие ее участниками конструкта «Мы»,

¹ См.: *Московичи С.* Век толп. М., 1996. С. 310 – 325.

² См.: *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Под ред. А.А. Яковлева. М., 1989. С. 102.

который обязательно противопоставляется конструкту «Они»¹. Вместе с тем исследователи указывают путь преодоления комплекса «других», отмечая, что групповая идентификация предполагает не только «дизъюнкцию», но и «конъюнкцию» в сфере отношений «мы» и «они» – признание «других» уже не в противопоставительном или даже враждебном качестве «они», но в партнерском или даже дружеском качестве «вы». Однако если пространство для подобной «конъюнкции» недостаточно, «они» могут превратиться не в «вы», а в ассимилированную часть «мы». Словом, сочетание процессов «дизъюнкции» и «конъюнкции» означает, что межгрупповые отношения не всегда конфликтны и вполне могут основываться на партнерстве.

Наука дает представление и о глубоких социологических (сугубо объективных) корнях патриотизма, которые фиксируются в такой фундаментальной социологической категории, как «культурная традиция». Согласно научному определению, культурная традиция представляет собой «передачу социального опыта из поколения в поколение»². Действительно, преемственностью социального опыта в поколениях создается не только сам феномен человеческой истории, но и для данной общности ее устойчивое в историческом времени единство. А такое единство как раз и воспитывает у своих участников патриотическое сознание – их корней именно в данной конкретной общности, которая и превращается для «инсайдеров» этого культурно-исторического процесса в патриотическую категорию «моя родина».

«Моя родина» – это уже вполне конкретная групповая идентификация личности, возникающая по конкретному объекту: историческому социальному опыту данной этнокультурной общности. Этот объект патриотизма – культурная традиция – может существовать в разных интегральных формах.

Исследователи выделяют в человеческой истории три интегральные формы культурной традиции как объективного основания патриотизма:

- этнократию, где действует «принцип крови», этнического родства с его обязательным спутником – этнической сегрегацией или даже ксенофобией;

- империю, где действует универсальный, надэтнический принцип «подданства»;

- нацию, где действует гражданско-территориальный принцип.

При этом этнократия, империя и нация рассматриваются как исторические формы (механизмы) адаптации общества к постоянно ме-

¹ См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

² См.: Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 76 – 105.

нящейся социальной среде. Этнократия – наиболее древняя форма общественного устройства, которая в условиях необходимости более терпимых взаимоотношений между разными этносами вынуждена была уступить место имперской государственной форме, а та, в свое время, когда принцип взимания дани с подвластных территорий вошел в острое противоречие с ростом тенденции экономического самоопределения территорий, – национально-государственной форме¹. Развивая данное положение, исследователи отмечают: глобальный исторический процесс распада этнократической формы осуществления культурной традиции сопровождался компенсирующей тенденцией роста национализма как метафорического сохранения этнических идентичностей. Национализм переносит на нацию этнократическую метафору, утверждая, что члены нации – та же «семья», которая таким образом призвана сохранять эту идентичность². Таким образом, «космополитический» вектор эволюции исторических форм осуществления культурной традиции не только не упраздняет этническую идентификацию, но, напротив, подчеркивает и укрепляет ее, переводя на уровень идеологии и политики национализма.

Исследователи единодушно признают фундаментальную роль этнической идентичности в межэтнических контактах, определяя этничность как форму социальной общности, члены которой считают себя и воспринимаются окружающими как особенные, отличные³. Сама реальность межэтнических контактов определяет для индивида важность его принадлежности к этнической группе. Так, еще в 1930-е гг., анализируя большой эмпирический материал межэтнических отношений, ученые установили роль своеобразных «этнических карт» – стандартных моделей поведения людей при контактах с представителями иных этнических групп. Вступая в такие контакты, люди «вспоминали» о своей этнической принадлежности, пользовались «этническими картами», и эти стереотипы помогали людям – создавали иллюзию понимания окружающего их сложного мира, вселяли уверенность в достоинствах «своего» сообщества и пороках «чужих» сообществ⁴.

Роль «этнической карты» особенно возрастает в случаях, когда этничность подвергается опасности – при массовых миграциях, угрозе ассимиляции и т. д. – или служит оружием в политической борьбе. Политическая борьба никогда не откажется использовать преце-

¹ См.: Капа-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой». М., 1996. С. 122.

² Eriksen T. Ethnicity and nationalism: Anthropological perspectives. L., 1993. P. 108.

³ Ibid. P. 4; De Vos G. Ethnic pluralism: Conflict and accommodation // Ethnic identity. 1982. P. 18 – 19.

⁴ Eriksen T. Op. cit. P. 21 – 24.

денты реальной или мнимой угрозы в отношении этничности, и тогда под знаменами патриотизма организуются националистические движения, очень часто провоцирующие межэтнические конфликты, гражданские войны, террор.

В этой связи большое методологическое значение для определения патриотизма по его фундаментально объективному основанию культурной традиции имеет категория «этническая группа». Достаточно длительное время в научной литературе «этническая группа» приравнивалась к «культурной группе», пока в конце 1960-х гг. не было уточнено, что «этническая группа» как патриотическое сообщество возникает «на границах» данного культурного сообщества – когда данное культурное сообщество испытывает, изнутри или извне, давление других культур. Таким образом, культурное сообщество «не думает» о своей этнической идентичности до того времени, пока не встретится с проблемой разных культур, которая и трансформирует «культурную группу» в «этническую»¹.

Этническая идентичность далеко не исчерпывает патриотическую идентичность, вмещающую в себя также и в высшей степени позитивную, миротворческую мотивацию осуществления культурной традиции – передачи из поколения в поколение эстафеты строительства социальных институтов. Социально позитивный институциональный фактор в осуществлении национально-культурной традиции оказывается очень важным в формировании социального механизма национального самоопределения, возникновения национального самосознания. Институты в качестве правовых ограничителей людской стихии вводятся в эту стихию неким уполномоченным субъектом права, которому она это право делегирует. Естественно, что таким уполномоченным субъектом права выступает управляющая структура общества – государство. Следовательно, именно на государстве исторически лежит особая ответственность за выстраивание национально-культурной традиции – патриотизм.

Патриотическая миссия государства делает его не только важнейшим субъектом, но и важнейшим объектом, идентификатором патриотизма. Одним из первых, кто разработал теорию государства как объекта, идентификатора патриотизма, был Гегель. Выступая убежденным сторонником прусской конституционной монархии и считая именно ее идеалом политической организации общества, Гегель увидел в этом конкретном государстве в принципе идею государства как высшей формы организации и высшей ценности, главный объект высших чувств и помыслов личности и общества, в том числе

¹ Eriksen T. Op. cit. P. 57 – 58; Forsyth D. German identity and the problem of history // History and ethnicity. L., 1989. P. 137 – 156.

патриотических. «Поскольку, – писал Гегель, – государство есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. Объединение как таковое есть само истинное содержание и цель»¹. Гегель довел до крайности понимание того, что государство объективно несет в себе очень важную для народа, общества, личности патриотическую миссию. И эта крайность была характерна для социал-демократов второй половины XIX – начала XX вв., пропагандировавших всевластие государства, полное растворение в нем индивида².

Между тем в науке существует и сбалансированное осмысление патриотической миссии государства. Так, решающую роль институтов, государства в формировании национально-культурных основ патриотизма хорошо понимали такие выдающиеся русские мыслители, как В.С. Соловьев и Б.Н. Чичерин, считая при этом «национальное самомнение... негодной и явно бесплодной почвой»³. Эти русские мыслители продемонстрировали, что сбалансированное понимание роли государства в формировании патриотической общности заключается в подчеркивании решающего значения институционального фактора в укреплении именно патриотической, а не националистической, культуры.

Наконец, патриотизм – это и такое следствие институционального обеспечения патриотического сознания, как патриотическая деятельность. Патриотизм деятелен, и российские ученые, исследуя патриотизм именно с этой стороны, разработали патриотический тест в отношении тех властных лиц и политических сил, которые называют себя патриотами. Тест заключается в простом критерии оценки не слов, а дел кандидатов на звание патриотов: куда они «тащат» – в Отечество или из Отечества. Петр I «тащил в Отечество», значит, он патриот. «Ранние» большевики с их ставкой на мировую революцию «тащили из Отечества», значит, они не были во время следования такой стратегии патриотами. При этом российские исследователи ставят проблему патриотизма не просто как деятельности, но именно проблемной деятельности – в условиях «кризиса идентичности», кризиса самого патриотического сознания, который наступает в периоды институционального (реформационного) кризиса общества⁴.

¹ Гегель. Философия права / Пер. с нем. под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсеянца. М., 1990. С. 279.

² См., например: Абрамов М.А. Догма и поиск. М., 1994. С. 46.

³ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 289; Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 508 – 509.

⁴ См.: Кара-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой». С. 75 – 76.

Связанное с патриотизмом понятие «кризис идентичности» ввел в политическую науку Э. Эриксон, который рассматривал его как состояние, обусловленное социально, теснейшим образом сопряженное с потрясениями на исторических поворотах общественного развития, такими, как революции, войны, институциональные реформы¹. Различая в понятии «идентичность» две взаимосвязанные стороны – «персональную идентичность» (психологическое согласие индивида с самим собой) и «коммунальную идентичность» (включенность индивида в иерархию общностей: от группы до общества) – Э. Эриксон утверждает:

– в нормальном состоянии индивид испытывает чувство органической принадлежности к своей исторической эпохе и свойственному этой эпохе типу межличностного взаимодействия, гармонии с присущими ей идеями и поступками, с доминирующим в данную эпоху социально-психологическим образом человека, словом, имеет место принятие социального бытия как «своего»;

– в переломные моменты истории, когда на смену одному миропорядку приходит другой с новыми общезначимыми ценностями и социальными установками, такая гармония рушится, и тогда в состоянии кризиса оказываются не только отдельные личности, но и целые сообщества;

– когда прежняя система организации социального опыта оказывается расшатанной, а ценности устаревшими, социальная общность вступает в переходную эпоху – возникает «вакуум идентичности»;

– преодоление кризиса связано с появлением творческих исторических личностей – политических лидеров, которые и ведут общество к новой идентичности.

В подобных ситуациях «кризиса идентичности», помимо фактора политического лидера, действует и фактор самого этого кризиса, создающий ситуацию, когда промедление со стороны кризисного политического руководства с принятием мер по скорейшему восстановлению «персональной и коммунальной идентичности» составляет прямую угрозу не только национальной, но и международной безопасности из-за ускоренного накопления в таких случаях потенциала «социального взрыва»². Исследователи подчеркивают, что «ни индивид, ни общество не могут долгое время находиться в состоянии дезориентации – они ищут выходы, которые, как показывает ис-

¹ Erikson E. Life history and the historical moment. N.Y., 1975; Erikson E. Identity. Youth and crisis. N.Y., 1968. P. 22; Erikson E. Insight and responsibility. N.Y., 1964.

² См.: Давыдов А.А. Социальная информатика: переходные периоды в социальных системах // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. 1997 / Под ред. Д.М. Гвишиани, В.Н. Садовского и др. М., 1997. С. 93 – 100.

тория, далеко не всегда благотворны для отдельных народов и мирового сообщества»¹. О разрушительном для патриотической идентичности «восстании масс» как реакции общества на отсутствие политики взращивания этой идентичности писал еще в первой половине XX в. Х. Ортега-и-Гассет².

В этой связи происходящие в России институциональные перемены 1990-х гг. – начала XXI в. являются, несомненно, серьезным испытанием для нации, которая по данному объективному основанию реально переживает кризис «персональной и коммунальной идентичности» – кризис патриотического сознания. Он реально угрожает национальной безопасности, поскольку, пока не преодолен, несет в себе вероятность развития событий по сценарию «восстания масс», когда дезориентированное общество может заразиться «ложным патриотизмом», став ведомым политическими авантюристами и радикалами.

¹ См.: Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). М., 1997. С. 161.

² См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3, 4.